

ТАТЬЯНА МЕДИЕВСКАЯ

ВСЁ

СБУДЕТСЯ

(СБОРНИК)

Татьяна Юрьевна Медиевская

Всё сбудется (сборник)

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39851441

Всё сбудется: ИПО «У Никитских ворот»; М.; 2018

ISBN 978-5-00095-672-4

Аннотация

В новую книгу прозы Татьяны Медиевской вошли рассказы и эссе. Писательница открывает нам миры самых разных человеческих отношений, выстраивая свою художественную вселенную от слова к слову, в прекрасной последовательности и со счастливым концом. Ведь счастье, по Медиевской, – это возможность видеть и запоминать мир таким, каким он предстаёт очам тех, кто ищет гармонию и находит её, несмотря на все разрушительные катаклизмы двадцатого и двадцать первого веков.

Содержание

Реализм перевоплощений	5
Роксана	9
Цирковая лошадь	14
Тайна прикосновения	17
Гагарин	26
Невеста	43
Нигде кроме	47
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Татьяна Медиевская

Всё сбудется

© Медиевская Т. Ю., 2018

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2018

Реализм перевоплощений

О книге Татьяны Медиевской

Проза Татьяны Медиевской – это настоящая энциклопедия взглядов одного человека на самых, на первый взгляд, простых людей, самые, как кажется, простые ситуации, но вся эта простота обретает новый объём благодаря художественным приёмам и эстетизации реальности через слово.

Конечно, Татьяна Медиевская реалист. Реализм – основополагающий для неё метод. Но есть в этом реализме некоторые чёрточки, которые превращают её текст в не вполне реальный, – какие-то намёки, чуть мистические подтексты, отсылки к провидению и року. Нет, автор не выходит за рамки метода, но придаёт ему особый смак, особые вкусовые качества, индивидуальные и запоминающиеся.

Рассказ «Роксана» с этой точки зрения крайне показательен. И здесь дело не только в сюжетном перевоплощении героини в её собственную собаку, а именно в перемене взгляда, в желании посмотреть на мир другими глазами, глазами других существ. И это работает очень эффективно, как мне представляется, и создаёт весьма любопытный творческий ракурс. Ведь волей-неволей выходишь на рассуждения о том, чем человек отличается от животного, и в лучшую ли сторону? Потому финальные соображения героини о том, надо

ли становиться человеком, в рассказе «Роксана» как бы переходят в горе героя «Цирковой лошади», не могущего смириться с тем, что его любимый цирковой конь умер. Здесь есть игра смыслов, подтекстов, образов. То, что делает творческий образ автора цельным и даже концептуальным.

Медиевская очень тонко чувствует человеческие отношения, особенно в части отношений между мужчинами и женщинами. Браться за эту тему в литературе сейчас почти зазорно. Что ещё можно написать после Тургеневской «Аси» и «Тёмных аллей» Бунина? – вопрошает тайно или явно почти каждый литератор. Но риторический масштаб такого вопроса обыкновенно никого не останавливает. Медиевская – не исключение. Но с задачей создания лирических рассказов она справляется хорошо. Стоит отметить, что лирическое настроение она создаёт порой не за счёт прямых эмоциональных пассажей, а с помощью композиционных уловок, или недоговорённостей, или же, напротив, неожиданных проговорок. Наиболее тонкий и пронзительный рассказ, выполненный в вышеуказанной стилистике, это «Тайна прикосновения». История героев очень человечна, и под авторским приглядом она развивается чувственно и приходит к непредсказуемой развязке. Непредсказуемость человеческих чувств вообще волнует Медиевскую. Как эмоции связать с принципами, желание с порядочностью, где здесь грань, нужно ли себя сдерживать, и как нам, в конце концов, понять самих себя? Все эти вопросы тонко ставятся в таких

рассказах как «Невеста», «Гагарин». Выпуклость и узнаваемость персонажей Медиевской, скорее всего, и есть ключ к разгадке. Ведь она, как правило, в том, что человек выбирает свой путь, а не чей-то уже пройденный или навязанный. А выбор этот связан с устройством его личности, с целым набором качеств и переживаний.

Не чужда Татьяна Медиевская и беллетристических наклонностей. Здесь важно сказать, что её любовь к быту определяется фанатичным вниманием к детали, здесь для неё деталь, сочетание деталей едва ли не важнее, чем сами герои.

И в этом сочетании деталей – особенно когда автор делится с читателем личными воспоминаниями и впечатлениями – столько трогательности, что иной раз при чтении чуть ли не слёзы наворачиваются (очерк «Вид из окна»).

Медиевскую можно назвать своеобразной импрессионисткой в прозе. И не потому, что она такой уж поклонник этого стиля, просто она щедро делится с читателями своими впечатлениями. Впечатлениями о тех удивительных местах, где ей доводилось бывать, впечатлениями о людях, с которыми пересекалась, впечатлениями о прошлом нашей многострадальной державы. И если её описания Испании, Иерусалима и других культовых мест на Земле полны однозначной яркости восхищения, желания сжиться с этими удивительными местами, то когда дело касается политических или социальных оценок, Медиевская осторожна и взвешенна, и оперирует инструментарием, свойственным адептам класси-

цизма, коих в наше время не так уж и много.

Отдельно хотелось бы выделить эссеистику Медиевской. С этим сложным жанром доводится совладать далеко не каждому даже крепкому писателю. Медиевская в эссе как рыба в воде. И здесь проявляется одно из главных свойств её творческой натуры. Это постоянная жажда перевоплощения как способ борьбы с духовной смертью. Эссе «Другой Чацкий», хоть и несколько парадоксальным образом, подтверждает эту мысль. Попытки перелицевать систему взаимоотношений героев «Горя от ума», реконструировать другое развитие событий выглядят очень интересными и ещё раз подчёркивают не только авторскую свободу, но и предельную пытливость к любому текстовому материалу.

Помещённые в самом конце книги крошечные новеллы открывают нам Медиевскую как мастера поэтического штриха на пространстве прозы.

Ещё я бы обратил внимание читателей на гибкость и естественность диалогов во всей книге, на естественное дыхание речи и в каждом произведении разумно выстроенную форму.

Чтение Медиевской сродни ощущению плывущего по неспешным волнам, не боящегося шторма, но понимающего, какая гигантская глубина внизу. Только эта глубина у Медиевской направлена вверх, к непостижимому и бездонному.

Максим Замшев, главный редактор «Литературной газеты»

Роксана

После почти бессонной ночи я очнулась и, ещё не открывая глаз, почувствовала какую-то странную перемену в себе и вокруг. Попыталась натянуть одеяло к подбородку и наткнулась не на пуховое одеяло, а на что-то мохнатое. Открыла глаза и увидела у себя на груди лапы моей собаки.

– Рокси, сдурела? – воскликнула я. Перед глазами замелькали собачьи лапы, а вместо своего голоса я услышала лай. Села, огляделась. Я не в спальне, где заснула с мужем, а в гостиной на диване. Принюхалась, почуяла дивные запахи еды и мужа. Страшно захотелось есть. Ловко соскочив с дивана, подбежала к миске, и обнаружив, что она пуста, направилась к большому зеркалу. Себя я в нём не увидела. На меня внимательно смотрела моя собака, английский кокер-спаниель. Я поворачивала голову в поисках себя, Роксана тоже. Я истошно закричала, но вместо крика из меня вырвался громкий лай и вой, переходящий в скулёрж.

Из спальни вышел возмущённый муж.

– Рокси, что ты разлаялась? Воскресенье, 9 утра! Лиза! Лиза! Ты где? – громко звал он меня.

Муж меня тоже не видит! Я вбежала в спальню и убедилась, что меня нет на кровати. Захлебываясь собственным криком-лаем, обежала раз десять всю квартиру, утомилась, умолкла и легла на собачьем коврике в прихожей.

Муж позвонил моей сестре, выпрашивая, не у неё ли я. Он подошёл ко мне, погладил, почесал животик, что мне очень понравилось, и сказал:

– Роксана, собачка моя, красавица, мама пропала. Я тебя покормлю, – достал из пакета сухой собачий корм и насыпал в миску. Я с удовольствием всё съела и потребовала ещё. Муж швырнул мне кусочки сыра.

Я легко читала мысли мужа: «Телефон, ключи, сумочка, очки-дома! Куда жена могла пойти? Что делать?».

Муж привычно взвесился на напольных весах, расстроился. В любимую чашку он нацедил капучино из кофе-машины и медленно пил его, заедая сухими галетами, сыром и курагой, изводя себя диетой. На столе перед ним лежали два мобильника – его и мой. Он смотрел на них в ожидании звонков.

Муж пытался припомнить вчерашний вечер. Всё как всегда. Поужинали мирно, каждый посидел за своим компьютером и легли спать. Припомнить, о чём говорили, что ели на ужин, он не мог.

Муж досадовал на то, что сегодня, видно, не удастся обдумать наклёвывающийся проект. Не мог сосредоточиться – не до этого. «Может, Лиза так пошутила? Сейчас только десять утра. Может, не паниковать? – уговаривал он сам себя. – Надо звонить. Но кому, куда? Не в полицию же заявлять. Он же не идиот, добровольно приглашать к себе домой бандитов».

Я улеглась в ногах у хозяина, думая о случившемся, пони-

мая, что это кошмарный сон, и он когда-нибудь закончится. Но когда?

Вся семья обожала Роксану. Она у нас пять лет. Раньше мы не заводили собаку. Муж не хотел: в юности его укусила овчарка. Когда дочери выросли и вышли замуж, супруг захандрил: всё ему стало не мило – ни я, ни дочери, ни работа творческая. Я не знала, что делать. Пожаловалась сестре, та посоветовала подарить ему собаку. Так появилась у нас Роксана – прямая родственница королевских английских кокер-спаниелей. Шерсть чёрная, шелковистая, волнистая, на спине будто мантилья из белых и серых кружев, грудка мраморного окраса, аккуратный хвостик с белой кисточкой, головка на лебединой шейке с белой звездой на лбу. А длинные, до плеч, широкие пушистые чёрные уши, большие карие глаза с поволокой, точёный профиль и королевская грация придавали нашей Роксане почти портретное сходство с Натали Гончаровой.

Все, все, кто её видел, восхищались нашей собакой.

Никому из нас – ни мне, ни мужу, ни дочкам – не досталось столько любви и ласки, сколько нашей собаке. Муж оставил хандру, с удовольствием выгуливал Роксану перед работой, а вдвоём мы гуляли с ней перед сном. Часто и дочери присоединялись к нам. Рокси гордо выгуливала нас. Счастье пришло в наш дом. А как она радовалась, когда я приходила с работы! Лучшего собеседника, чем Роксана, трудно вообразить: внимательно выслушает, не спорит, не возмущается,

всегда всё понимает.

Признаюсь, что я, замученная семейными проблемами и заботой, иногда в шутку завидовала Роксане.

И вот я превратилась в нашу собаку!

А сейчас легко читала мысли мужа: «В чём Лиза ушла? Все её вещи на месте! Куда жена могла пойти? Что делать?»

А что делать мне? Куда делась я? В кого переселилась душа Роксаны? Об этом страшно даже подумать.

Неожиданно мне захотелось в туалет. Я прибежала в ванную комнату, и оценив, что запрыгнуть на унитаз и удержаться на нём у меня нет шансов, с громким лаем подбежала к входной двери. Хозяин понял, ловко защёлкнул на моей шее ошейник, пристегнул к нему рулетку. Он уже было открыл дверь и вдруг как закричит:

– Чёрт, чуть не забыл! – и водрузил мне на лицо намордник, который сдавил мне нос. От боли и обиды я громко закричала, то есть взвыла, зарычала, залаяла и не замолкала ни в лифте, ни в подъезде. Пытаясь сбросить намордник, я мотала головой, но тщетно.

Хозяин извинился за намордник:

– Надо, Рокси, надо! Забыла, как тебя догхантеры отравили, а мы с мамой помним.

Мы выскочили на улицу, где я без всякого стыда присела на газоне. Хозяин собрал какашки в целлофановый пакет и выбросил в урну, думая о том, какой он хороший.

– Не до гулянки, – строго сказал он, – сделаем кружочек

по скверу и домой. Надо маму искать!

Я бежала на поводке перед хозяином, весело помахивая хвостиком, с наслаждением внюхиваясь во всё, что попадалось по пути. «Сколько ароматных записок!» – думала я, ментально считывая их. Тут появился отвратительный пегий соседский беспородный пёс-мой злейший враг. Мы бросились с громким лаем друг на друга. Хозяева с трудом растащили нас. Я долго огрызалась и грозно облаивала всех встречных собак.

– Что с тобой, Рокси? – отчаянно вопрошал муж. – Жена пропала, так ещё с собакой что-то творится! Наверное, тоже переживает.

Муж звонил дочерям, сестре, ему и мне звонили по работе, он отвечал, что я вне зоны доступа.

Вечером вся семья соберётся и будет решать, что делать. Дома хозяин освободил меня от ошейника и намордника, в тазике помыл мои лапки, животик и кое-как обтёр полотенцем.

Я попила водички, забралась на диван и стала думать, как мне опять стать человеком?

И надо ли?

Цирковая лошадь

Представление в шапито заканчивалось под несмолкаемый шквал аплодисментов.

Бартабас-владелец и режиссёр труппы-статный, за пятьдесят, весь в чёрном, с гладким черепом, обрамлённым пышными бакенбардами, черты лица тонкие, взгляд иссиня-чёрных глаз пронзительный, привычно оглядывал себя в зеркале, нервно сжимая в руке телефон-ждал известий из Фонтенбло. Вся труппа артистов и лошадей шествовала по манежу с поклонами. Вбежал помощник с радостными возгласами:

– Ваш выход, маэстро! Слышите, как неистовствует публика? Мы покорили этих русских! Они просят вас!

– Как я выйду без Зингаро! Я без коня как без ног! – зло выкрикнул Бартабас.

– Маэстро, но публика не знает, что вы всегда на поклонах гарцуете на Зингаро. Возьмите любого коня! Доставьте счастье хотя бы першерону. Какой триумф! Мы – гвоздь театрального фестиваля Чехова. Труппа в восторге от усадьбы «Коломенское»!

Бартабас слушал эту тираду вполуха. Его мысли заняты Зингаро, чьим именем он назвал конный театр, покоривший весь мир уникальными балетными постановками с лошадьми. – Повторите для публики финал! – распорядился Бартабас. Перед гастролями его роскошный вороной жере-

бец сломал ногу. Бартабас недоумевал, почему на вопросы: «Как Зингаро?» – он получал какие-то невнятные ответы: «Произошло заражение, не заметили, но всё под контролем».

Бартабас вспомнил, как всё начиналось. Он сбежал из семьи в цыганский табор, а потом появился на Авиньонском фестивале с конём и крысой. Выступление странной троицы имело сногшибательный успех, после чего организаторы предложили поставить для фестиваля спектакль.

Послышались финальные звуки оркестра. По манежу под оглушительные рукоплескания вихрем пронеслась убранная цветами цыганская кибитка с невестой. Не успели концы длинного шлейфа фаты белым облаком растаять над свадьбой, как покатила повозка с гробом. Музыка резко оборвалась, как жизнь героев. И вот зазвучал вальс, и уже на манеже с непостижимой грацией, будто нимфы из балетов Петипа, танцует без всадников шестёрка лошадей сказочной красоты: нежно-персиковые с золотистыми, пушистыми, и лёгкими, как вуали балетных пачек, гривами и хвостами. Чудом с купола низвергнулся водопад, искрясь и сверкая в разноцветных лучах прожекторов. Зрелище уносило зрителей в мир грёз, счастья и тоски о бренности всего сущего, о краткости жизни.

Телефон маэстро подал сигнал о сообщении: «Конь умер». Бартабас нажал сброс с такой силой, что, казалось, треснет экран, потом размахнулся, чтобы швырнуть телефон

об пол, но сдержался и, аккуратно положив его на стол, тупо уставился на свои сапоги.

Вбежал помощник.

– Маэстро, пора!

Бартабас появился на публике, прошёл, как робот, по манежу несколько кругов с вымученной улыбкой. Ноги вязли в песке. Он почти оглох от горя и оваций. Бартабас казался себе карликом среди лошадей. Мысль, что он никогда больше не выйдет на арену с Зингаро, казалась невыносимой, жгучей, отвратительной, тошнотворной. Эта мысль впиалась в него как змея.

У входа в грим-уборную Бартабаса толпилась стайка возбуждённых корреспондентов. Маэстро сообщил, что даст только одно интервью, и наугад невидящими глазами выбрал светло-русую красавицу.

Когда красавица вошла в грим-уборную, она увидела спину маэстро, сотрясающегося от рыданий. Девушка нерешительно помялась, кашлянула, но потом вышла, тихо затворив за собой дверь, бросив на прощание:

– Извините...

Тайна прикосновения

Всё началось в самолете Любляна – Москва. Лёха удобно устроился в кресле, просмотрел последние сообщения, убедился, что «всё путём»: предварительные согласования по контракту подписаны. Через неделю они с Никитой и Ирккой отправятся в Гаагу на выставку, а через месяц запланирован Назаре в Португалии – лучшее место для сёрфинга. Никита с Ирккой – его друзья, лучшие друзья, вернее, Никита. Они дружат с детского сада, а им уже по тридцать лет. Друзья всё делают вместе, то есть сначала Никита, а за ним – Лёха. Вместе поступали в университет, вместе женились, вместе развелись, вместе открыли фирму – Никита главный, а Лёха – его заместитель. Никита – голова, генератор идей, а Лёха – исполнитель, мотор.

Всего месяц назад Никита женился на Ирке. Молодожёны неделю как вернулись с Канарских островов. «Эх, и я бы мог, но друг оказался решительнее. Ну ничего, я тоже уже почти нашёл свою Ирку-тоже высокую, голубоглазую блондинку», – размышлял Лёха, когда самолёт готовился к взлёту.

Он выключил телефон и закрыл глаза, решив подремать, и тут услышал голос соседки:

– Вы когда-нибудь болели?

Лёха с удивлением уставился на дамочку-интеллигентку в

соседнем кресле – лет за сорок-пятьдесят, кто их разберёт, в дорогом серо-розовом прикиде.

– Что за глупый вопрос! – резко и грубо ответил Лёха.

– Ещё Лев Толстой про врачей говорил: «Несмотря на то, что они его лечили, больной выздоровел», – не обратив внимания на реплику Лёхи, изрекла соседка.

– Смешно, – вяло отреагировал Лёха.

– Вот-вот, и я об этом! – подхватила назойливая дама.

– Что вы имеете в виду? О чём? Если про болезни, то извините, я вам не собеседник, – резко перебил её Лёха.

– Нет, в обсуждении болезней я сама никогда не участвую.

Я хочу рассказать историю, – ответила дама, мягко и властно, тоном, не позволяющим возражений. – Ну что нам мешает жить и радоваться жизни? Только две вещи. Это болезни и плохой характер.

Ну, со своим характером мало кто сражается, а с болезнями все-и по-разному.

Можно, как я, не обращать на них внимания, но, обидевшись, они вскоре так достанут, что взвоешь. Я не оригинальна в своих проблемах: то голова болит, то спина, то бессонница мучает.

Ну, подумаешь – глотнёшь таблетку, намажешься мазью, если припрёт, то укол обезболивающий можно сделать. Но когда все эти средства перестали помогать, я взялась за кардинальное решение проблемы. Обшарила интернет и нашла: нейрохирургов, которые готовы за очень круглую сумму сде-

лать операцию, и менее радикальные методы – разные виды массажей, от классического до китайского. Все эти массажи оказались пыткой, особенно китайский. Доктор из Пекина полтора часа пытал меня иголками, банками и давил на самые болезненные точки на теле. После я ходила вся в синяках. И все врачи – и европейские, и восточные – уверяли, что если больно, то это хорошо, и значит, они достали до правильных точек. Поспрашивала знакомых, оказалось, что все они время от времени мучили себя разными видами лечения от болей в спине, и с удовольствием и со знанием дела давали мне рекомендации.

Главный невропатолог нашей поликлиники, посмотрев мой магнитно-резонансный снимок позвоночника, посоветовал купить корсет и «ползти на кладбище». На курорте в Карловых Варах мне процедурой вытягивания позвоночника в бассейне чуть не сломали шею. В Пекине после подъёма на Великую Китайскую стену услужливая экскурсовод, чтобы снять усталость, вызвала в номер гостиницы тайских массажистов. Муж надеялся, что к нему придёт фарфоровая куколка – китайская принцесса, похожая хотя бы на официантку из чайной церемонии, а я так устала и хотела спать, что мне было всё равно кто.

Пришла парочка: она – квадратная коротконогая тётка, он – мальчишка лет восемнадцати. Пытка длилась полтора часа. Мальчик вцеплялся мне в волосы, выдавливал глаза, отрывал руки и ноги, над спиной я ему не дала издеваться. Ко-

гда эта парочка убралась, получив немалый гонорар, я зашла в ванную, сняла халат и в зеркале вместо себя увидела медицинский атлас акупунктурных точек на теле, и каждая горела красным электрическим светом. Как я выжила, не знаю!

– Послушайте, вы же обещали не рассказывать про болезни. А сами? Где же история? – взмолился Лёха.

– А история в том, что я нашла чудесный способ исцеления! – гордо ответила назойливая дама.

В этот момент объявили, что борт совершил посадку в аэропорту Шереметьево. Собеседница включила мобильник. Ей позвонили, и она, не оглядываясь, быстро, пока ещё никто не успел встать с кресел, направилась к выходу.

Лёха достал свои вещи с верхней полки и ждал, когда проход освободится. Он осмотрелся, не забыл ли чего, и обнаружил в кармашке переднего кресла очки и папку с бумагами. Пришлось звать стюардессу, та посоветовала всё забрать и попытаться догнать хозяйку вещей у паспортного контроля, где её можно наверняка найти в длинной очереди. Но там её не оказалось. Разговорчивая незнакомка исчезла, а у Лёхи остались её очки и папка. По приезде домой он всё убрал в шкаф и за неотложными делами забыл и о находке, и о незнакомке.

За день до вылета Никита позвонил Лёхе и убитым голосом сообщил, что он не может лететь в Гаагу, что у Ирки болит спина, она лежит пластом и не может пошевелиться. Он долго рассказывал, как она упала со скейтборда, как её

лечили, какой диагноз. В общем, хана, подытожил друг.

И тут Лёха внезапно вспомнил про очки и бумаги словоохотливой мадам. Может, в них есть какие-нибудь её координаты, подумал он. Кажется, она болтала про какую-то тайну исцеления. Ирка свалилась так некстати. Что делать? Лёха достал из шкафа папку назойливой дамы. В ней лежало несколько листов, написанных от руки.

О наслаждении

Общеизвестно, что у нас пять видов чувств: зрение, слух, обоняние, вкус, осязание. С их помощью мы познаём мир. Искусства созданы человеком для развития и услаждения живописью, скульптурой, музыкой, танцем, ласковыми голосами родных, пением птиц, ароматом цветов, духов, изысками кулинарии. А осязание? Погладить по головке ребёнка, киску, шёлковую или бархатную ткань. Литература! Когда мы читаем книжку талантливого автора, попавшего в резонанс или диссонанс с нашим сегодняшним мироощущением, мы сквозь страницы внутренним взором можем и видеть, и слышать, и чувствовать запах и вкус.

А осязание? Как и какой вид искусства может воздействовать на наши тактильные чувства?

Что услаждает осязание? Автор книги говорит один на один с читателем, а повар – с гурманом. Музыка, запахи пронизывают всё пространство. А осязание? Есть ли искус-

ство прикосновения?

Радостный трепет тела, когда мы погружаемся в ванну, море, речку; стоим под струёй душа, водопада, нежмся на солнышке, греемся пуховым платком, приятные ощущения от тонких тканей – шёлка или бархата. Что знают европейцы об искусстве прикосновения?

Индия знает! Аюрведа – знание жизни. Доктор аюрведы дарит счастье, прикасаясь к телу пациента. Это как танец ангелов с вашим телом. До встречи с доктором Х я ощущала своё тело как заброшенный в чулан и забытый дорогой музыкальный инструмент, на котором никто не смог сыграть правильно даже простой гаммы. А доктор Х смог бережно и терпеливо настроить инструмент и исполнить для меня симфонию – ликующую симфонию моего тела.

И после того, как «ангелы улетели», тело сохраняло память радости ощущения. Лечение наслаждением – вот девиз аюрведы. И главное, что этим искусством обладают только избранные – гении. Он так знает тело любого человека, так его любит, что силой этой любви изгоняет болезни и вдыхает силу и счастье. И человек вдруг понимает, что тело ему дано Богом не только чтобы заниматься спортом и голову носить, и наряжаться, а само может быть источником наслаждения. Но это не сексуальное наслаждение, а что-то другое... Что? Оно не требует ответных ласк, как в любовных играх с партнёром. Нет, тут что-то другое, необъяснимое словами, поскольку как нельзя передать ми-

стический или сексуальный опыт, так невозможно и тактильный.

Shakti Ayrveda Genre Portoroz»

«Никакой конкретики – всё ахи и вздохи», – решил Лёха. Он приехал к Никите. Ирка лежала в постели. Она уверяла, что у неё ничего не болит, пока пошевелиться трудно, но завтра ей станет лучше, обещала приехать мама, поэтому Никита может лететь в командировку. Друг отказывался её оставлять в таком состоянии. Спорили они, но в конце концов решили, что Никита полетит в Гаагу.

Лёха, чтобы развлечь Иру, рассказал ей про назойливую даму в самолете и отдал очки и папку. Ирка рассмотрела их и сообщила, что очки дороговущие, от Louis Vuitton, и папка тоже фирменная, нехилая – из натуральной змеиной кожи.

Утром друзья вылетели в Гаагу, где окунулись с головой в работу. Трудные шли переговоры. По вечерам просто валились с ног. На вопросы Лёхи про здоровье Иры Никита отвечал, что всё путём: тёща приехала, жене лучше, но предлагают операцию на позвоночнике. Жуть!

Вернулись друзья через неделю с очень выгодными контрактами.

По прилёте Лёха принял ванну, вырядился в фирменный костюм, рубашку и галстук, купленные недавно по совету жены друга. Он собирался на свидание с новой знакомой – тоже Ирой.

В этот момент позвонил Никита и деревянным, каким-то

не своим голосом попросил срочно приехать к нему прямо сейчас. На вопрос «Что случилось?» – слышалось нечленораздельное «У-у-а, Ирки нет!» и рыдания.

Лёха так испугался, что, забыв о свидании, тотчас поехал к другу. Вошёл в квартиру. Никита сидел за столом и пил водку.

– Что случилось? – спросил Лёха.

– Видишь, жена ушла! – трезвым деревянным голосом ответил Никита.

– Куда ушла? – спросил Лёха.

– Вон, прочти записку! – обречённо ответил друг.

Лёха взял листок бумаги и прочёл: «Ники, я не хочу делать операцию на позвоночнике, а потом, возможно, остаться инвалидом на всю жизнь. Я решила найти этого индийского доктора. Вылечусь и вернусь к тебе здоровой! Люблю тебя!»

– А подробности есть? – спросил Лёха. – Когда написано письмо? Когда ты с ней последний раз разговаривал по телефону?

– Два дня назад, – ответил Никита. – Но она мне ничего не говорила, ни про какого индийского врача.

Тут он задумался, будто что-то припоминая, и, злобно взглянув на друга, завыл:

– А-а-а! Это ты рассказывал какую-то байку про дамочку в самолёте!

Никита вскочил из-за стола, бросился к Лёхе, то тряс его,

то пытался душить. Лёха отбивался, а друг выкрикивал:
– Куда она уехала? Куда?

Лёха рассказал, что помнил из письма: этот доктор работал в Словении в каком-то отеле, но в каком, – не помнит. Он объяснил, что всё отдал Ирке. Лёха как мог успокаивал друга, что жена вернётся, как написала в записке, что надо набраться терпения и ждать, что прошло слишком мало времени.

Ирка не отвечала на телефонные звонки мужа целую неделю. Ни мать её, ни подруги ничего не знали. Никита взял отпуск и полетел искать жену. Он мотался из отеля в отель, пока не набрёл, как ему казалось, на след доктора Х.

Спустя два месяца, после безуспешных поисков в Словении и Индии, Никита вернулся домой. В почтовом ящике он нашёл конверт с такой запиской: «Дорогой Ники, прости! Я не вернусь. Остаюсь в Индии навсегда с доктором. Не ищи меня. Жизнь моя без доктора Х не имеет смысла. Прощай, прости, Ирина».

Никита на работу после отпуска так и не вышел. Запил. Он почти спился. Лёха стал генеральным директором фирмы, женился. Жену его зовут Ирина. Они систематически лечат Никиту в разных наркологических клиниках.

Есть в Словении небольшой отельчик в горах, где практикует один индийский доктор. Он приезжает нечасто. К нему надо записываться загодя. Говорят, у него красивая ассистентка. Русская, зовут Ира...

Гагарин

Ровно в пять часов вечера 31 декабря в переполненное кафе на Солянке вошёл бравый молодой полковник инженерных войск. Он заказал коньяк и стал ждать её, напряжённо поглядывая то на командирские часы, то на вход, задрапированный лоснящимися от сальных рук велюровыми бордовыми шторами, то принимался нервно закуривать, но через минуту тушил сигарету. Она не появлялась.

Через полчаса он из портфеля достал картонную коробку, откуда вынул роскошный альбом-путеводитель по Palazzo Pitti во Флоренции. Это итальянское чудо полиграфии полковник с большим трудом выменял у сослуживца по военной академии на английский спиннинг. Бережно раскрывая каждую страницу, он любовался репродукциями картин. «Как же она похожа на мадонн Рафаэля», – думал он, представляя, как она, его Мадонна, Мария, сейчас войдёт, как обрадуется подарку. Полковник вспомнил их первую встречу.

В конце апреля полковника с несколькими сослуживцами по военной академии, как отличников боевой и политической подготовки, а главное, авторов изобретений в области военной инженерии, в порядке поощрения направили на учёбу в дом отдыха под Звенигородом. Как это было заведено, после лекций в первый же вечер готовилась большая пьянка. Многие уже были навеселе... Арсений, человек ти-

хий, семейный, серьёзный, выпить мог (ну как же без этого служить), но не любил...

Народу в их комнату набилось много: офицеры, преподаватели, а главное, девушки – московские патентоведы. Приятель, старший по званию, попросил его сходить в соседний номер за стаканами и стульями. Арсений подошёл к двери напротив, постучал, но в ответ ничего не услышал, – вечеринка в их номере набирала обороты: шум, выкрики, грохот стульев. Арсений уже решил попытаться счастья в другом номере, как дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка – не девушка, а воздушное видение: нечто стройное, высокое в длинном одеянии, на голове что-то белое в виде короны, из-под которой тёмными волнами струились волосы. Светло-карие глаза глядели на него с укором.

– Что вам надо? – спросила она тихим, будто измученным голосом.

– Я, извините, за стаканами и стульями... – ответил он машинально, но про себя подумал, осознал, понял, что теперь, когда он увидел её, больше ничего не нужно, – только смотреть в эти глаза, слушать её голос.

Она царственным жестом тонкой руки дотронулась до головы и сказала каким-то тёплым домашним родным голосом:

– Извините, у меня очень болит голова, я выпила анальгин, а пока не помогает. Возьмите сами, что вам нужно.

Арсений не мог вымолвить ни слова. Она взглянула на

него внимательно, заметила его замешательство и добавила почти шутливо:

– Вы не знаете, шуметь будут всю ночь? – и чуть улыбнулась ему.

Арсений не мог двинуться с места.

– Ну, что же вы стоите столбом? – спросила она и добавила:

– Вас, кажется, ждут! Забирайте и уходите, пожалуйста! Дверь закройте – шумят!

Она неожиданно встала на цыпочки, повернулась, как балерина, придерживая изящным жестом длинные полы тёмно-красного фланелевого халата, гордо прошествовала к окну и замерла.

Тут только Арсений очнулся. Он послушно взял стул, стакан, подошёл к двери... и вдруг, чего сам от себя не ожидал, закрыл дверь и сказал с вызовом:

– Я без вас никуда не уйду!

Она медленно обернулась и пристально на него посмотрела.

– Меня зовут Арсений. У нас очень хорошая компания. Пойдёмте к нам! Пожалуйста, очень прошу!

Она молчала, продолжая его пристально разглядывать.

– Пожалуйста, прошу вас очень! – услышал он свой голос, будто и не он это говорил.

– Кажется, голова прошла! Анальгин подействовал! – сказала она, снимая с головы полотенце и вороша волосы уди-

вительно изящным жестом.

– Как вас зовут? – спросил Арсений.

– Мария, Маша или Мэри, как вам больше нравится? – сказала она кокетливо, с улыбкой, и протянула ему тонкую прохладную ладонь.

После церемонного рукопожатия она оглядела его с ног до макушки.

– Хорошо, Арсений, почти «да», только мне надо переодеться, – не идти же в таком виде! – сказала она, указывая пальчиком на свой халат и тапочки. Арсений от счастья расплылся в улыбке.

– Арсений, какая у вас улыбка чудесная! Как у Гагарина! Подождите меня в коридоре!

Арсений открыл дверь, чтобы выйти, но тут она подошла к нему, прикрыла дверь и сказала:

– Извините, но прежде надо всё-таки познакомиться чуть поближе, не правда ли? – Мария улыбнулась и развела руками. Она стояла так близко, что Арсений чувствовал аромат её духов, видел тоненькие голубые прожилки на будто фарфоровом лице, светлый пушок на щеках, родинку на тоненькой шейке. Он любовался ей как произведением искусства в музее, – смотрел на неё с благоговением и готовностью сделать всё, что она пожелает.

– Мне тридцать лет, я замужем, а вы? – спросила она нарочито серьёзным тоном, а глаза при этом смеялись.

– Мне тоже тридцать лет, и я женат уже восемь лет, – от-

ветил Арсений чётко, как на экзамене.

Она опустила глаза на его руки и спросила глухо:

– А дети есть?

– Да. Двое, мальчики, семи и пяти лет, – отрапортовал он.

– Замечательно! – сказала она, будто выдохнула, всплеснув руками, и чуть ли не захлопала в ладоши, затем дотронулась до его плеча и нежно развернула его к выходу.

– Через пять минут буду готова! – сказала она, и дверь за ним захлопнулась.

Арсений стоял в коридоре у её двери, как на часах, осознавая, что он уже другой человек, – не тот, который несколько минут назад входил в эту дверь. Через пять минут она явилась перед ним, обворожительная и неотразимая в стильных джинсах и пушистом бледно-бирюзовом свитере.

С тех пор они не расставались, – встречались почти каждый день после работы хотя бы на час-два в городе или на квартирах друзей. Его карьера складывалась очень удачно: повысили в звании, и он получил авторские свидетельства на десяток значимых для обороны страны изобретений. В семье всё тоже шло хорошо. Выходные он всегда проводил с детьми и женой: ходил в походы, ездил к родственникам. По счастливому совпадению жену Арсения звали тоже Машей, поэтому в постели ему не надо было бояться оговориться, думая о Ней, своей Мадонне, – так он про себя её называл.

Почти семь месяцев Арсений нёсся на крыльях любви: его все любили – и семья, и Мадонна. А он? Кого он лю-

бил? Ответ: тоже всех – и детей, и жену, но угнетала мысль, что надо как-то определиться. Уйти? Нет! Он обожает сыновей. Невозможно нанести удар жене Маше, которую он уважал, и вдруг... Жестоко и несправедливо! Развод? Разрушит их жизнь и поставит крест на его карьере. Странно, но Марию-Мадонну такая же двойная жизнь будто совсем не тяготила. Никогда она не заговаривала о том, чтобы уйти к нему от мужа.

«Арсений, мой муж Пётр – это табу! Запомни!» – сказала она ему однажды строго и окатила чужим стальным взглядом, но тотчас, будто извиняясь, сделалась особенно ласковой и принялась расспрашивать его о сыновьях, попросила показать их фото. Мария всегда после выходных просила его рассказывать про забавы детей и слушала с неподдельным интересом. Он чувствовал, что она любит его мальчиков и наверняка могла бы стать им хорошей матерью. Мария иногда приносила ему очень красивые детские вещи и игрушки со словами: «Это Павлику и Ванечке! Скажешь жене, что купил в академии на распродаже для парткома».

Сейчас он сидит, ждет её с подарком к Новому году, а её всё нет!

Мария в это время пыталась вырваться с работы. Сотрудники научно-исследовательского института, где Мария работала патентоведом в отделе информации, как и почти во всех конторах нашей необъятной Родины – СССР, провожали старый год за накрытыми праздничными столами с на-

чальством во главе. Мария надеялась уйти пораньше, но безуспешно. Всё шло, как всегда: все – и, главное, парторг, – изрядно «приняли на грудь» фирменной настойки со вкусом марочного коньяка, но крепче, под названием «Аграфёновка», по имени кладовщицы Аграфёны Ивановны, собственноручно ею изготавливаемой для всех праздников. Языки у всех развязались, и у мужчин обострился интерес к дамам, а те думали только о том, как бы поскорее добраться до дома, забрать детей из сада, купить продукты, приготовить праздничный ужин. Мария оказалась под пристальным вниманием «пылающих страстью к общению» пьяных глаз парторга. Под хор сослуживцев, исполнявших надрывно и самозабвенно «Ой мороз, мороз!», Мария выскользнула из-за стола, быстро надела шубу, но когда поднималась по лестнице, её остановил властный голос парторга: «Мария Сергеевна, вы куда это так рано собрались? Рабочий день ещё не закончился!»

Маша понуро спустилась, оправдываясь, что собиралась выйти подышать. (Отдел информации, как и другие отделы института, располагался в подвальном помещении жилого дома на Люсиновской улице.) Мария обречённо спустилась с лестницы, и когда она поравнялась с парторгом, тот вдруг бросился перед ней на колени, крепко обхватил за талию, зарыдал пьяными слезами и зашептал заплетающимся языком: «Мар-рия, обожаю, люблю-у, пожале-ей меня-а!»

Мария подумала: «Что делать? В любой момент может по-

явиться Антонина – её начальница и любовница этого пьяного идиота!» (Жена и сын у него тоже имелись.) Тогда Мария брезгливо, но решительно погладила его по голове и сказала, что тоже его любит, но сначала надо выпить за любовь. Она с показной заботой помогла ему встать, привела к столу и усадила рядом с красной от вина и ревности Антониной.

Посидела за столом Мария со всеми для виду, попела, и вот наконец вырвалась на волю. Дошла до остановки, а троллейбус только уехал. Мороз усилился. Постояла Мария, кутаясь в модную голландскую искусственную шубку, постучала каблучками австрийских сапожек и решила: чем замерзать, лучше пойду пешком пять остановок до метро «Добрынинская» – хоть согреюсь! Она и устремилась по улице, где народ спешил по домам или в гости с сумками, с тортами и ёлками.

«А куда и зачем я несусь? – спрашивала она себя. – Как куда? На встречу в кафе к Космонавту. (Имя Арсений ей не нравилось, и Мария про себя называла его Космонавт.) Зачем всё это? Он не оправдал надежд! Опять ничего не получилось! Вот ведь как не везёт! Жду, жду, готовлюсь, просчитываю благоприятные дни, договариваюсь на эти дни с подругами насчёт квартиры. Уже семь месяцев прошло, а толку – ноль. Хороший Космонавт, милый, и я его почти люблю. Как же это тяжело: врать, изворачиваться – и всё напрасно!»

Мария помнила, как спустя год после свадьбы, муж сказал:

– Если ещё через год ты не родишь мне ребёнка, то я от тебя уйду!

Эти страшные слова произнёс её любимый Петя. С тех пор Мария усиленно начала бегать по врачам, с остервенением лечилась, глотала таблетки, делала операции, пока ей один врач не предложил отправить мужа на анализ. Петя оскорбился этим предложением, он тянул, тянул, но через три года сдал анализ, и выяснилось, что активности сперматозоидов маловато – процентов пятьдесят на пятьдесят. Петя очень расстроился, ходил как потерянный, несчастный, горем убитый. У Марии сердце разрывалось при взгляде на мужа. Она уверяла и себя и его, что такой результат анализа означает, что не всё потеряно, есть надежда. Мария водила его по врачам, он безропотно глотал таблетки, ходил на процедуры, но время шло, а ничего не помогало. Пётр замкнулся и как-то потух, озлобился на весь свет и особенно на Марию, как ей казалось. Он уже перестал радоваться успехам лаборатории теплотехники в Бауманском институте, где так блестяще защитил кандидатскую диссертацию, ведь и на докторскую степень материала хватало с лихвой, оставалось только формально защититься.

Однажды, год назад, Мария добилась приёма у известного специалиста по лечению бесплодия. На удивление нестарый вальяжный врач, после того как внимательно ознакомился с анализами, посмотрел на Марию пристально, погладил щегольские гусарские усы и спросил:

– Чего вы хотите, Мария?

– Я хочу ребёнка! – ответила она.

– Так в чём же дело, красавица, я готов! – воскликнул врач. Она не успела опомниться, как он быстро завладел её рукой, поднёс к губам и стал целовать, нарочито причмокивая. Мария оттолкнула его и с пунцовым лицом, содрогаясь от стыда и негодования, выскочила из кабинета.

Мужу она ничего не рассказала. Они вели тихую семейную жизнь почти счастливой пары, но она видела, что её Петя несчастен. Да и её настроение, несмотря на весь оптимизм и самоотверженность, омрачало то, что подруги, и замужние, и свободные, успели за это время нарожать детишек. Его и её родители постоянно интересовались, когда же они им подарят внуков, хотя недостатка во внуках не было: у Пети были три замужние сестры, а у Марии два женатых брата, и все с детьми. На работе у Марии и у Петра женщины постоянно уходили в декрет или были на сносях, гордо демонстрируя окружающим огромный живот. Но кроме этой малости, всё было хорошо.

Муж с остервенением ударился в работу, часто ездил в командировки и очень хорошо зарабатывал. Маша трудилась, читала книжки, наряжалась, учила языки, занималась квартирой, они подумывали даже о своей даче под Звенигородом. Маша старательно пыталась забыть гадкое предложение знаменитого врача, но иногда при виде красивого мужчины она ловила себя на мысли, что... Нет, дальше она старалась

не думать, говоря себе, что никто и мизинца её Пети не стоит.

Однажды на работе начальник отдела вызвал Марию в кабинет, долго поправлял галстук с золотыми рыбками, барабанил пальцами по столу, сморкался, и наконец изрёк:

– Мария Сергеевна, у тебя детей нет, поэтому кроме тебя, мне некого послать, – у всех дети, я же не зверь. Для отчётности по повышению квалификации сотрудников отдела необходимо кого-нибудь послать. Жить будешь в доме отдыха! Я тебе даже завидую! Конспектируй, отчитаешься!

У Марии была с ним договорённость, что она в командировки не ездит: овощная база, срочная работа – пожалуйста, но никаких командировок. Мария не могла спать вне дома и с чужими людьми в одной комнате, – ей претили бабские задушевные разговоры и командировочный флирт, пьянки. И вот начальник, в общем-то мягкий и добрый человек, нарушил слово.

Когда Мария приехала в дом отдыха и вошла в комнату, где ей предстояло провести неделю, она пришла в ужас: – всё, всё – четыре кровати, четыре стула, тумбочки, стол, пол – было засыпано шелухой от семечек, а на одной из кроватей стоял раскрытый чемодан. Никого. Мария оставила свою сумку с вещами и ушла обедать, потом долго гуляла в лесу, досадуя, что не хватило смелости отказаться от командировки. Когда она вернулась, в комнате уже кое-как прибрались. Три пышные дамы радостно приветствовали её, перебивая

одна другую:

– А вот и четвёртая! Мы уже волновались – сумка стоит, а человека нет! Мы тебе место у окна оставили, ты же первая! Оля! Лена! Зина! Мы собираемся у мальчиков на втором этаже в двадцать пятом, приходи!

Они ушли, оставив после себя амбрэ антистатика, знойных духов, дезодорантов и пота. Мария брезгливо, почти зажав нос, распахнула окно, но было уже поздно, – она надышалась антистатика и у неё нестерпимо заболела голова. Мария стянула джинсы и свитер, надела халат, приняла аналгин, повязала голову мокрым полотенцем и легла на кровать.

Через некоторое время в дверь постучали один раз, потом ещё. «Придётся встать и прогнать, а то не отвяжется», – подумала она, открыла дверь и увидела... Юрия Гагарина. Гагарин был её кумиром с детства, она даже хранила газету «Пионерская правда» про первый полёт человека в космос.

И вот он пришёл! Гагарин стоит перед ней. А когда Мария узнала, что он женат и у него есть дети, то счастьем её не было предела – молнией пронзила догадка: «Вот кто достоин стать отцом моего ребёнка!»

Тут Мария чуть не упала с эскалатора – в метро её кто-то сильно задел плечом. «Вот дура, задумалась! Внимательной надо быть, – сказала она себе. – Размечталась о ребёнке. Облом! Полковник Арсений Витальевич Крылов не оправдал, Маша, твоих надежд! Так живу надеждой, – просыпаюсь с мыслью, что сегодня будет уже седьмой день задерж-

ки, но встаю и вижу... кровь. Понимаю, что все ухищрения были тщетны! Посмотрю на спящего Петю, мысленно скажу ему: «Прости, напрасно я тебе изменяю с Космонавтом, надо прекращать этот блуд. Стыдно! А мысли крутятся всё быстрее, что Петя наверняка мог что-то почувствовать, но странно, он ведёт себя так, будто ничего не замечает. Может, он меня разлюбил? Нет, нельзя позволять себе даже думать об этом. Сейчас встречусь с Космонавтом, отдам подарок и разбежимся каждый по своим семьям и навсегда! Пора кончать!»

Маша подошла к кафе. Остановилась на минуту, посмотрела на фиолетовое в чёрных тучах небо, подсвеченное жёлтыми шарами фонарей, улыбнулась разноцветным лампочкам над входом, несколько раз глубоко вдохнула московский морозный воздух и хотела было открыть дверь. Тут её начали одолевать сомнения: раз она всё решила, может, развернуться и уйти? Но вспомнив чудесную улыбку своего Космонавта, его влюблённые в неё глаза, не решилась. Нельзя с ним так резко накануне Нового года. Лучше после выходных, когда он позвонит на работу или домой, то она ему скажет, что пока нельзя им видеться.

Маша усилием воли и воображения зажгла фонарики радости и уверенности в глазах и смело открыла дверь в кафе.

– Пришла! – сказал как выдохнул Арсений и окинул её долгим счастливым взглядом.

– Привет, извини, из отдела еле выбралась! Наши все

празднуют, – заговорила Мария, усаживаясь напротив. – Ты сегодня в форме! Приказали? Это по случаю Нового года? А у вас как в академии, все господа офицеры сухие домой ушли?

Арсений взглянул на неё с удивлением и с лёгким неодобрением. Мария заметила это, осеклась и сказала:

– Ой, что это я несу, прости! День такой нервный.

Арсений погладил ей руку и сказал:

– Успокойся, всё хорошо! Я тебя заждался. Мы вместе, это главное. Посмотри, что я тебе принёс!

– Ой, какая прелесть, спасибо! У меня тоже подарок. – Мария достала из сумочки блок сигарет Marlboro, затем серьёзно взглянула на него и медленно, растягивая слова, сказала:

– Дарю тебе дым, дым, дым! Кури эти сигареты и знай, когда ты выкуришь последнюю, ты меня забудешь навсегда!

От этих слов Арсений помрачнел, но тут она рассмеялась и, захлопав в ладоши, сказала: «Шутка это – "киргуду"!»

Подошёл замотанный немолодой официант с вопросом:

– Дама, что заказывать будете?

– Апельсиновый сок и вермут, пожалуйста, – ответила Мария.

– Вам ещё коньяка? – обратился официант к Арсению.

– Да, – ответила за него Мария, – и мне коньяка.

Она подумала, что ей теперь всё равно, раз она не беременна.

– Может, лучше шампанского? – спросил Арсений.

– Нет, несите два коньяка, вермут и сок, – уверенно сказала Мария.

Официант ушёл.

– Шампанское будешь пить сегодня дома с женой, а когда куранты пробьют семь ударов, подумай обо мне. Всегда, всю оставшуюся жизнь на седьмом ударе вспоминай меня! – с пафосом сказала Мария.

– Я всегда о тебе думаю! Ну ты и затейница, – всегда что-нибудь придумаешь! – сказал Арсений и улыбнулся.

– Дай мне коньяка, пока ещё мне принесут, – сказала Мария и сделала глоток из бокала Арсения.

– Ты сегодня на себя не похожа. Что случилось? – встревоженно спросил Арсений.

– Что со мной может случиться? Я самая красивая, самая умная, самая любимая, самая счастливая! Все беды меня боятся и обходят стороной! – сказала она с вызовом и отвернулась. Арсений ощутил такое острое чувство жалости, что почувствовал, как к глазам подступили слезы. Жалость к ней, к себе, к сыновьям, к жене и даже к её мужу. Арсений встал, погладил свою Мадонну по головке... и вдруг произнёс слова, которых сам от себя не ожидал:

– Выходи за меня замуж. Мы оба должны развестись... и быть вместе! К чёрту карьеру!

Мария отшатнулась от этих слов, как от пощёчины, лицо её покраснело, побелело, она вскочила с места и выпалила:

– Опомнись, что ты говоришь! Никогда! Запомни, никогда!

Арсений побагровел и опустил голову. Мария схватила сумочку, шубку и опрометью бросилась к выходу.

Арсений сел как раздавленный. Он только что увидел вместо Мадонны – фурию! Что делать? Бежать за ней, догнать? Зачем? Он встал.

Тут появился официант с подносом со словами: «Несу, несу!», ловко примостил бокал с какой-то красной жидкостью рядом с альбомом Palazzo Pitti и пытался устроить на столе дымящуюся тарелку со словами: «Уберите книгу, пожалуйста, как бы не испачкать!»

– Что это? – в недоумении спросил Арсений.

– Как и заказывали: пельмени и коктейль «Кровавая Мэри», – ответил официант.

– Я это не заказывал, – сказал Арсений. – Он неловко махнул рукой и задел бокал с коктейлем. Бокал перевернулся, и Арсений увидел, как красная жидкость медленно растекалась по глянцевому лику Мадонны Рафаэля.

Официант не растерялся, взял полотенце и ловко промокнул страницу, приговаривая:

– Вот видите, всё сухо, теперь картина как новая!

На Арсения напал столбняк. Он почувствовал себя оставленным, жалким, униженным, несчастным, опустошённым.

Подошёл второй официант с пятью бокалами: апельсиновый сок, вермут, два коньяка и коктейль «Кровавая Мэри».

Он аккуратно всё выставил на стол и удалился.

Арсений медленно убрал в портфель альбом и блок сигарет Marlboro. Затем так же медленно опустошил четыре бокала, заел пельменями, а напоследок залпом опрокинул в рот коктейль «Кровавая Мэри»: сверху водка, а внизу густой томатный сок со специями. Его передернуло. Арсений встал и вдруг почувствовал резкую боль в груди слева, – будто вся его кровь хлынула в сердце под таким давлением, что оно сейчас разорвётся на мелкие кусочки. В глазах у него потемнело. Пол ушёл из-под ног и, падая, он услышал: «Полковнику плохо! Скорую надо вызвать!»

В памяти мелькнула Рафаэлева Мадонна, потом Маша, всё смешалось. Гагарин полетел в космос, светлая улыбка его озарила Землю. Таким его и запомнили...

Невеста

Женитьба – дело серьёзное!

Всё уже произошло – только что Рома представил меня своим родителям как будущую жену. Отец его обрадовался, а мама расплакалась, наверное, из-за моего не соответствующего торжественности момента наряда: ситцевый халатик и шлёпанцы.

Как же это случилось? Как я этого добилась? Сама не пойму! Я люблю Рому уже полгода, и он тоже меня любит. Я чувствую это, я знаю. Но Рома очень робок, наверное, поэтому он и не решается мне сделать предложение. Только позавчера мы вернулись с ним с гор из Домбая, переполненные впечатлениями: снежные горы, солнце, любовь! Вернулись в Москву каждый к своим родителям.

Я звоню Роме на другой день на работу, спрашиваю, когда вечером встретимся, а он как-то холодно мне отвечает, что некогда и вообще много работы, и повесил трубку. У меня от этих слов и, главное, тона, голова закружилась, стала задыхаться сердце чуть не выскочило. Выпила валерианки. Вот бы заплакать, но слёз не было. У меня в голове не укладывается, как такое можно говорить после всего, что с нами было!

Я позвонила приятелю Денису, который уже год безуспешно добивается моей руки, и предложила ему встретиться. «Когда?» – спросил он. – «Прямо сейчас!» – ответи-

ла я.

Денис сорвался с работы. Мы встретились в кафе. Там я ему сообщила, что согласна стать его женой. Будто бес в меня вселился. Сама предложила немедленно поехать к нему на квартиру. Вошли, я осмотрелась – хорошая двушка в новом доме обставлена стильной мебелью, обои, картины, покрывало, всё в пастельных тонах, только шторы в дикую красную полосу. Я решительно направилась в спальню. Огляделась. Попросила Дениса выйти.

Разделась догола, села на широкий подоконник, поставила на колени телефон (благо провод дотянулся). Позвала Дениса. Тот вошёл и обомлел. Я сказала, что это всё очень серьёзно. Набрала номер, попросила пригласить Романа. Он взял трубку. Я вдохнула, выдохнула и отчеканила:

– Роман, я сижу совершенно голая на подоконнике в квартире Дениса. Выхожу за него замуж. Вечером я познакомлю его с моими родителями. Всё, прощай! – и опустила трубку. Глядя в окно на облака, сказала:

– Денис, выйди, пожалуйста! Мне надо одеться!

Я медленно, трясущимися руками, с трудом попадая в трусы, колготки, рукава, оделась. Вышла на кухню и, глядя в упор на испуганного и потрясённого Дениса, сказала:

– Теперь ты понимаешь, что я серьёзно! Обратной дороги нет! – Помедлила и выпалила: – Очень есть хочу! Нет, чаю!

Выпила три чашки чаю и съела полбанки вишнёвого варенья.

Вечером Денис с тортиком, бутылкой и цветами приехал к нам. Мама с папой радовались. Мы сидели за столом, ели торт и пили красное вино за наше счастье.

Я случайно опрокинула рюмку и залила своё шикарное английское зелёное платье. Пришлось переодеться в халат и пойти в ванную отстирывать пятно. В это время позвонили в дверь. Я открыла и увидела на пороге разъярённого Романа.

– Надо поговорить! – почти прорычал он.

– Поздно! – ответила я.

– Прощутебя, молю! – произнес Рома нежным шёпотом.

Я не смогла противиться.

Мы вышли, взялись за руки и он повёз меня к своим родителям знакомиться. Переодеться он мне не дал, наверное, боялся, что опомнюсь и передумаю. Вот почему я предстала перед его родителями в таком чудном виде – в халате и шлёпанцах. Вошли в квартиру. Роман вывел меня на середину комнаты и объявил:

– Это моя невеста!

Моё появление явилось полной неожиданностью.

Потом мы поехали обратно ко мне, чтобы познакомить моих родителей с Романом. Приехали, а там Денис чуть не плачет, а мои родные его утешают. Я про Дениса совсем забыла. Извинилась, сказала, что передумала, и закрыла за ним дверь.

Мама с папой на меня смотрели как на больную. Мама плакала, ей очень понравился Денис – выгодная партия, на-

чальник отдела министерства. Папа ничего не мог понять.

Мы уже с Романом посидели с моими родителями за столом, доели торт, выпили вина за наше счастье и объявили, что завтра утром подадим заявление в ЗАГС. Я проводила Романа до двери. Мы обнялись. Я его невеста!

Пришла к себе в комнату, легла на кровать и не могу понять, как всё случилось?

Я стала другой! Я теперь ничего не понимаю: это всё сон или не сон?

Вспомнила сегодняшнее утро.

Как я встала счастливая, что позвоню на работу Роману, как мы пойдём с ним в наше кафе «Тюльпан», как он придёт с цветами и сделает мне предложение.

Накануне на вокзале у поезда после отпуска в горах, когда мы с ним прощались, он с такой любовью на меня смотрел, и сказал, что завтра меня ждёт сюрприз.

Я с десяти утра стала ему звонить. Отвечали, что он ещё не пришёл, то вышел, то на совещании. И вот когда наконец я дозвонилась, то услышала чужой холодный отстранённый голос. Я не могла этого вынести! Я поняла, что могу его потерять! Надо действовать! Но как? Будто бес в меня вселился. Позвонила знакомому Вове, не застала, потом Саше – тот в командировке. Позвонила Денису. Он взял трубку...

Как говорится, кто не спрятался, я не виновата!

Женитьба – дело серьёзное! Я невеста!

Нигде кроме

*Нигде,
кроме
как в Моссельпроме.
ПАПИРОСЫ «ИРА».*

Владимир Маяковский

*Ибо время, столкнувшись с памятью, узнаёт о
своем бессилии.*

И. Бродский

– Ник, ну как ты?

– Нормально. Я же не головой ударился. Под ребро лыжной палкой угодил, когда спрыгивал с подъёмника. Очень неудачно!

– Спуститься сможешь?

– Смогу потихоньку. Чёрт, болит!

– Врача надо? Здесь должен быть. Пусть посмотрит.

– Нет, врача не нужно. Но кататься я сегодня не смогу.

Прошу тебя, Боб, ты донеси вещи до машины и иди назад. Скажешь нашим, что мне был срочный звонок. Да нет, можешь вообще им ничего не объяснять!

Когда Ник осторожно, как новичок, спустился к подножию склона, там его уже поджидал Боб. В помещении от теп-

ла боль усилилась, и Ник не смог наклониться, чтобы снять горнолыжные ботинки. Ник, стесняясь, попросил Боба помочь ему переодеть обувь, а комбинезон решил не снимать. Боб, неловко вытаскивая ноги Ника из ботинок, повторял:

– Ник, погоди! Погоди! Как же ты один поедешь? Может, я с тобой? Машину поведу! Подожди, я переоденусь, или давай позвоним Маринке. Я их с Юлькой видел на соседнем склоне.

– Спасибо! Да у меня почти всё прошло, но кататься не могу. Помоги мне переодеться и запихни в машину.

Боб чувствовал, что Ник врёт, но ему очень хотелось кататься. Он ещё раз для очистки совести спросил, не нужно ли врача. На что Ник уверенно ответил:

– Нет, Боб! Всё нормально, катайтесь! Снега насыпали много, скольжение прекрасное, погода на редкость замечательная...

– Ну, Ник!

– Я сказал, не надо. Всё, пока! Заеду к тётке, там переночую. Её дом тут недалеко – в деревне Степаньково.

– Ну давай хотя бы я тебя довезу до этой деревни?

Ник с приятелем вышли на гигантскую автостоянку, машина стояла в самом конце. Еле передвигая ноги, Ник думал: «Мне бы только дойти до машины!», а сказал, натужно бодрясь:

– До деревни от силы минут двадцать отсюда.

А сам подумал: «Чёрт, боль такая сильная, как бы не от-

ключиться. Зачем я хорохорюсь? Может, всё-таки вернуться и показаться врачу?»

Боб нервничал и суетился. Досадная неприятность с Ником чуть было совсем не сорвала его планы на сегодняшний weekend.

Боб, тяжело передвигаясь в горнолыжных ботинках, уложил снаряжение Ника в багажник и хотел помочь приятелю залезть в машину, но тот решительно отказался.

Боб напряжённо наблюдал, как Ник осторожно перенёс своё тело в машину, привычно щёлкнул пальцем висящего на зеркале игрушечного мехового белого кролика, крикнул: «Пока!» и нажал на газ.

Боб, облегченно вздохнув, направился обратно в горнолыжный рай, где скрипит и переливается в лучах мощных прожекторов насыпной снег из пушек, по склонам скользят лыжники, нарядные и красивые, словно сошедшие с рекламных журналов спортивной одежды и снаряжения. В барах и ресторанах витает дух обеспеченности и беззаботности, слышна джазовая музыка, и он, Боб, ловит на себе восхищённые взгляды блондинок...

Стоило отъехать километр от сверкающего огнями горнолыжного комплекса «Сорочаны», и Ника с его белым Jaguar'ом поглотил космос морозной, почти чёрной мало-снежной предновогодней ночи. Пошёл снег. Ник быстро добрался до места. Семь вечера, а деревня будто вымерла. Огоньки горели только в нескольких домах. Вот и знакомый

забор, калитка и дом за чернеющими старыми яблонями.

В доме после смерти тёти Веры жила Дуся – дальняя родственница, чья-то сноха или крёстная. Когда тётя Вера заболела, эта Дуся самоотверженно ухаживала за ней. В благодарность за это Ник разрешил Дусе остаться в их доме.

Да, он, Ник, всё устроил и оплатил, – и больницу, и сиделок, и врачей. Но навестил тётю в больнице только раз. Все эти годы он тёте Вере в дом покупал всё, что необходимо: установил новый газовый котёл, поменял всю сантехнику и посылал бригаду рабочих крышу перекрывать, и евроокна ставить, и деньги посылал. Но сам приезжал очень редко – ему всегда некогда! Вот и сейчас мобильный надрывается. Коля позвонил водителю и распорядился, чтобы тот забрал его утром из деревни Степаньково.

Ник открыл дверь, наклонив голову и цепляясь за половики, прошёл в дом. В комнате перед мелькающим и орущим голосом Петросяна экраном замороженно сидела Дуся в валенках, закутанная в платки, хотя в доме было тепло, даже жарко. Дуся вскочила, заахала, кинулась к нему с объятиями, заплакала. Затем, выпучив увеличенные очками глаза, перекрестилась на образ в углу и торжественно, но с укором поведала, что вчера было 40 дней, как умерла Верочка. Потом извиняющимся тоном поблагодарила за продукты для гостей. Ник нетерпеливо всё выслушал и сказал, что очень устал. Дуся засуетилась, сказала, что пойдёт к снохе, и зашаркала в прихожую.

Ник открыл дверь в комнату тёти Веры. Пахнуло лекарствами и кошками. «Раньше не пахло, или я этого не замечал», – подумал Ник. Мурка и Барсик недовольно прошмыгнули прочь. Ник открыл форточку и улёгся в кресло, застеленное старым вытертым ковром.

Он привычно огляделся: ничего не изменилось – время будто тут замерло. На этажерке читанные-перечитанные книги, семейный фотоальбом; подумал, что надо бы его забрать с собой. Но вдруг на верхней полке он заметил старую голубую картонную папку с тесёмочками. Ник припомнил, что видел её когда-то в детстве, когда он был не Ником, а Колей. Сначала он хотел папку тоже прихватить с собой, но любопытство пересилило, и он решил посмотреть содержимое пакета прямо сейчас.

Но сначала... Ник поискал в старом буфете и нашёл среди банок с вареньем коньячок, налил себе рюмочку и устроился в кресле поудобнее. Он, давно ставший эстетом и чистюлей, почему-то почувствовал себя совершенно спокойно, легко и комфортно в этих «половиках и тряпках». Ник ощутил себя опять Колей, как раньше.

Он открыл папку. Там в чёрных конвертах старые фотографии и какие-то бумаги.

Вдруг его внимание привлёк аккуратно сложенный пожелтевший газетный листок. Коля даже вздрогнул: «Не может быть!». Он развернул газету:

«За точность и качество». Второй часовой завод.

№ 51 (3176) Понедельник, 28 декабря 1987 г.

«Надо же, что сохранилось! Завтра 28 декабря, но только 2011 года», – подумал Коля.

Ник когда-то был заводским пареньком – после армии два года вкалывал на Втором часовом заводе.

Он с ностальгическим любопытством начал читать газету.

Под вечным лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» на первой полосе поздравление директора с новым, 1988 годом, под заголовком «Действовать сообща». Далее: «Слово имеет рабочий. Сигнал принят. Коллективу трудно, но мы на правильном пути».

Фото, авторы статей в газете всплывали в памяти Ника, ведь когда-то он почти всех их знал, здоровался за руку! Он читал с блаженной улыбкой, вспоминая то прошлое, которое теперь казалось смешным, нелепым. А вот, на последней странице, юмористический рассказ с карикатурами и броским названием «*Нигде кроме – только у нас в "Драконе!"*». Ну-ка, посмотрим, как раньше шутили!

«В нашем объединение на базе ОГК, в рамках Закона об индивидуальной трудовой деятельности, создано кооперативное сатирико-дизайнерское бюро «ДРАКОН» по разработке остроумных моделей повышенного спроса.

Почему «ДРАКОН»? – Будущий год, по свидетельству восточного календаря, пройдет под знаком этого мифическо-

го животного. Итак, нам всегда чего-нибудь не хватает, хотя раньше, говорят, не хватало большего.

Первая модель, которую мы представляем на суд почтенной публики – часы-будильник «САПОГИ-СКОРОХОДЫ». Счастливому обладателю они помогают «идти в ногу со временем» и придают ускорение на пути перестройки.

Обратите внимание на изящно выполненные молоточки. Они многофункциональны. Например, в транспорте отбивают музыкальный такт по ногам граждан, препятствующих вашему продвижению.

Итак, перефразируя строки поэта, мы можем сказать: «Нигде кроме – только у нас в ДРАКОНЕ».

Следующая модель – «ШАПКА С ПОДСВЕТКОЙ КВАРЦ-ТАЙМЕРОМ» – имеет несколько режимов работы и два варианта исполнения: для рядовых служащих – из кролика, для руководства – из пыжика или норки.

Для начальства она может стать поистине незаменимой вещью. В наше время гласности и нелюбезной критики она выполняет роль «шапки-невидимки». В критической ситуации при разногласии с подчинёнными, опустив уши шапки, начальник становится глух к «гласу народа», а в это время на световом табло рубиновыми буквами высвечиваются слова «Я уже перестроился». При наиболее серьёзных ситуациях рекомендуется пользоваться дымовым устройством, встроенным в шапку, что даёт возможность окружить себя туманом самокритики и лестии.

Для тех, кому претят такие методы работы с людьми, авторами модели предусмотрен режим «ПЕРЕСТРОЙКА ЛИЧНОСТИ». Для этого в шапку встроен миниатюрный пресс, который поможет вам выдавить из себя по капле раба привычки действовать только по указке сверху и думать только старыми категориями. Есть даже надежда, что те, кто наденет эту шапку, научится думать, а не соображать. Действие прессы сопровождается популярной мелодией «Думай давай! Думай давай!».

Ну и последнее. Новинка сезона 1988 года. Гэрдость нашего кооперативного бюро «ДРАКОН» – электронная игра «ПЕРЕСТРОЙКА».

Все творческие силы были брошены на конструирование этой увлекательной игры, развивающей у владельца почти атрофированные за годы застоя чувства собственного достоинства, порядочности, ответственности, уважения к личности и смелости.

На электронном табло перестройка изображена в виде трёхглавого Дракона (дань моде 1988 года; во втором варианте – в виде традиционной русской тройки). Головы олицетворяют ГЛАСНОСТЬ, ДЕМОКРАТИЮ И САМОФИНАНСИРОВАНИЕ. На электронном табло попеременно возникают персонажи. Это пороки и добродетели общества, как-то: бюрократы с резолюцией, демагоги с цитатами, подхалимы, взяточники, несунны, пьяницы с бутылкой, бездельники и прочие. А также честь, достоинство, справедливость

с законом, компетентность, труд с компьютером, нравственность и т. п. Цель игры – заставить Дракона двигаться вперёд. Но для этого три головы должны расчищать себе дорогу от всякой нечисти.

Ведь продвижение перестройки невозможно без одновременного обеспечения Демократии, Гласности и действительного Самофинансирования. Недопустимы и перекосы, когда одна голова будет съта за счёт остальных.

При наборе равного и достаточного числа очков у каждой головы Дракон сделает шаг вперёд. Это сопровождается популярной мелодией «Богатырская наша сила, сила духа и сила воли!».

Выигрывать в этой игре очень трудно. Поскольку практически это игра с самим собой. Поясню – в перспективе к игре будет прилагаться индивидуально разработанный для каждого владельца ИНДИКАТОР ЛИЧНОСТИ, который поможет задействовать в игре только вам присущие достоинства и недостатки.

Друзья, наша игра поможет вам «заглянуть себе в душу» и, на минутку ужаснувшись, покаяться, а затем продолжить работу над собой.

Эта игра требует терпения и компетентности, трудолюбия и искренности. Сложность наших изделий не должна отпугивать вас. Наше бюро гарантирует качество.

Необходимо заметить, что цены на наши модели договорные, так как они выполняются по индивидуальным за-

казам.

*Итак, спешите приобретать наши модели.
«Нигде кроме – только у нас в "ДРАКОНЕ"!».
С наступающим Новым годом!*

*Ирина Савинская,
Инженер ОГК».*

Закончив читать, Ник ясно почувствовал, что держит в руках живой документ ушедшего времени. В том времени он был не Ником, а Колей.

Давно нет ни тех проблем, ни того завода, ни той страны! Как всё круто поменялось и у нас, и в мире!

Сейчас на пороге Год Дракона 2012. Ник – Николай Николаевич Колокольцев, генеральный директор крупного холдинга, даже распорядился купить и выдать вместе с премией сотрудникам подарки – новогодние сувениры – ручки с изображением серебристых и золотистых тварей.

Ник ещё раз посмотрел на подпись под рассказом: «Ирина Савицкая».

Внезапно его прошиб озноб, закружилась голова. Ник оглянулся, будто испугавшись чего-то. Чего? Кого? Он же был один! Один на один с самим собой, и смог будто «заглянуть себе в душу или в сердце». Нику стало очень стыдно, потому что распечатала эту закрытую его душу или сердце не смерть любимой тёти, а напечатанное на жёлтом газетном листке имя Ирины Савинской. Он ощутил какую-то

свою безмерную вину. И чтобы отогнать эти тяжёлые мысли, Ник взглянул в окно.

Снег усилился. Но Нику показалось, что снег падает прямо с потолка и ложится тонким слоем на стол, на пол, на диван, на все предметы. Оставался нетронутыми снегом только он, Ник. Под его взглядом снег как по волшебству слетал с предметов и растворялся в воздухе, освещая белизной комнату. Вся обстановка такая же, как 24 года назад. Вот вросший, словно исполинский дуб, в пол и потолок старинный шкаф с резными балясинами, вот заставленный всякой всячиной старинный рояль на двух ножках, а вместо третьей подложены стопкой кирпичи. На рояле стоит фикус и новогодняя ёлка, рядом вытертое кресло, где сейчас сидит он, а раньше обитала тётя Вера. Ник так любил вечерние длинные разговоры с ней.

Он вспомнил, как однажды месяца за два до её смерти заехал к тёте, привёз продукты, лекарства и рыбу кошкам. У него не было времени с ней поговорить, опаздывал сразу в три места. Тётя, как всегда нарядная, красивая, как королева, в платье с брошкой, накрывает на стол.

– Коленька, ну что такая спешка? Попей чайку. Сейчас чайник закипит.

– Уже пора ехать.

– Что спешишь, всё равно темно.

– Всё, до свидания. Ешь лучше. У тебя всё есть. Кошки сыты. Пей витамины.

Коля оделся и вышел в сад, тёмный и голый. Тускло освещается дорожка к калитке лампочкой над дверью. На улице хоть глаз выколи. Ник обнимает тётю на прощанье, садится в машину. Так темно, что не видно стоящую у калитки худенькую фигурку тёти, машущую ему вслед.

Хлопнула форточка. Ник вздрогнул. В окне появились жёлто-зелёные глаза и прыгнули в комнату.

– А, это кошка! Нервы – Мурки испугался! – подумал вслух Коля. И тут в воспоминание о тёте вдруг властно вторглось другое воспоминание.

Его заводская молодость и она, Ирина – его Царица Савская.

Только что он прочитал в старой газете её имя и словно почувствовал на себе её взгляд. Только подумал – и тут же услышал знакомый голос тёти Веры:

– Колокольчик! Колокольчик!

Колокольчиком его называли только две женщины на свете – сначала тётя Вера, а потом Ирина. Коля в детстве любил петь песенку «Я мальчик-колокольчик из города Динь-Динь».

Тут к голосу тёти присоединился другой голос – Ирины. Он совершенно явно услышал их голоса. И вдруг увидел: у старого шкафа стоит тётя Вера, а у окна Ирина. Они загадочно улыбаются, и глядят то на него, то друг на друга, и перекликаются:

– Колокольчик! Колокольчик! – Коля оторопело перево-

дит взгляд с одной на другую, хочет встать и броситься к ним...

И... Ник оделся. Он по-прежнему полулежит в тёткином кресле, а за окном идёт снег, а у него на животе примостилась кошка. Мурка смотрит на него и как будто говорит его, Колиным, голосом:

– Ничего нельзя вернуть! Тебя, Коля, уже никто и никогда так любить не будет, как тётя Верочка, никогда она тебя не перекрестит и не посмотрит ободряющим ласковым взглядом. И ты, Коля, никогда уже сам не сможешь полюбить никого так, как любил когда-то Ирину!

Колю бросило в жар. Он приподнялся с кресла, но, ощутив резкую боль в ушибленном месте, плюхнулся обратно. Кошка с громким мяуканьем прыгнула в форточку и скрылась.

«Бред какой-то!», – думал Коля. Он был уверен, что всё, связанное с Ириной, забыл, затолкал в самый дальний угол памяти, замуровал, похоронил! Он столько сил потратил, чтобы избавиться от страданий, и вдруг оказывается, что спустя почти четверть века один её взгляд – даже не взгляд, а призрак может обрушить его душевный покой! Только она умела так смотреть, одновременно и нежно, и насмешливо, и покровительственно. Её глаза то манили, то отталкивали. Только она умела говорить глазами!

Ник вспомнил свой ноябрь 1987 года. Время беспросветности...

Коля из заводской семьи. На заводе работали все: и отец – начальник 30-го цеха, и мать – сборщица, и её сестры. Только тётя Вера, как говорил отец, отщепенка, изменила семейной традиции – училась на художницу, но вела рисование в школе и даже была когда-то замужем за музыкантом.

Коле тоже надлежало пойти на завод: хорошие заработки с премиальными, продуктовые заказы, распродажа импорта, дешёвые обеды – столовая со своим подсобным хозяйством, от завода у семьи двухкомнатная квартира, дачный участок выделен под Александровым, и даже родителей посылали на два года в командировку в Англию, где они заработали на машину «Волга». Как говорится, «полная чаша».

Но Коля помнил, как страдал, когда в десять лет с абсолютным знанием английского вернулся в старую школу, где над ним все посмеивались, даже учителя. Ученики дразнили англичанином, и никто не хотел с ним дружить. Да Коле после Великобритании все казались глупыми, примитивными, грубыми. Он и сам держался особняком и не захотел вписаться в коллектив ни в школе, ни во дворе.

Отец считал, что сын должен отслужить в армии и работать на заводе, как все. Может, если уж так хочет, поступить в вечерний заводской институт.

Колю же эта неотвратимость просто убивала! Он решил, что будет работать где угодно, хоть дворником, но только не на заводе. Он попытался поступить в МГУ, но провалился и пошёл в армию, где служил радистом. Когда Коля вернулся,

отец устроил сына на завод, но не в цех, а в отдел главного конструктора, в бюро микроэлектроники, где разрабатывались шаговые двигатели.

Ну что ещё нужно парню? И семье показалось, что сын стал более покладистым. Но это только для вида.

На самом деле Коля после армии ещё больше осознавал всю беспросветность своего существования, что он не может так жить, и надо что-то делать! Надо как-то вырваться из этого круга дом-завод-дом-завод. Но как?

– Нет, так жить нельзя! Жизнь невыносима, и надо с ней завязывать! – Коле казалось, что эти слова стучат молотком у него в голове.

Каждое утро он в 7.30 выходил из метро «Белорусская» и вливался в серую толпу, идущую по мосту к заводу. Проходя мимо вахтёра с ружьём, он попадал в холл, все стены которого были увешаны объявлениями типа: «Меняю туфли чёрные Турция 40 размера и блузку голубую Китай 50 размера на сапоги зимние Югославия любого цвета размер 39–40. Анохина, цех № 6, тел. 235-44-76». Коля поднимался на седьмой этаж в бюро микроэлектроники, надевал синий сатиновый халат и принимался паять микросхемы.

Он считал, что родители его не понимают. Они с утра до вечера на заводе. А мать ещё и парторг цеха. Коля слышал, как она говорила отцу, что мечтает женить сына на их соседке Ленке – дочке профорга завода. Ну что же, что она чуть старше Коли, а уже секретарь комитета комсомола цеха. Ко-

гда бы Коля не вышел на улицу, почти всегда встречал Ленку-эту дуру расфуфыренную: в оттопыренных ушах блестят бриллианты, а на кривых ногах – высоченные красные импортные сапоги, купленные по благу на заводе для своих – парткома и профкома. Коля просто физически ощущал, что его окружает только ложь и расчёт, зависть к должностям и особенно к заграничным тряпкам. Когда их разыгрывали среди рабочих, после того как отоварится заводская знать, работницы просто зверели на глазах. Противно!

Коля не смог даже научиться пить, как все, – поэтому у него не было и друзей! Спорт Коле претил, хотя завод имел первоклассную команду по регби, где капитаном был главный технолог.

В двадцать лет жизнь Коле представлялась в мрачном свете.

В один из особенно хмурых осенних дней Коля решил уйти, уйти совсем и навсегда из жизни.

Как? Нет, не застрелиться, не отравиться, не повеситься. Это всё больно, есть риск покалечиться, и так пошло и банально! Коля решил поступить по-другому. Он где-то вычитал, что если голодать, то смерть может наступить через месяц или два, а если голодать всухую, то и раньше. Он представлял, как уйдёт из жизни в философском расположении духа и без суеты. Это будет пусть медленно, но верно, и никто не поймёт, причины. Матери можно сказать, что поел на работе, а на заводе никому до него нет никакого дела. Так он

решил, и начал смертельную голодовку.

Но однажды встреча с ней – с Ириной – всё изменила. Жизнь обрела смысл!

Коля увидел её – Ирину Савинскую – в начале декабря, когда голодовка его длилась пять дней. Именно увидел впервые, хотя работал с ней на заводе в одном отделе на одном этаже и в одной комнате. Он её не замечал. Ну, сидит за шкафом какая-то важная тётка рядом с начальником их бюро Пашей Даниловым. Ну, приходит к ней с какими-то бумагами то главный конструктор завода, то главный технолог. Его это не касалось, Коля паял микросхемы. Он слышал, что ей уже сильно за тридцать, замужем, есть ребёнок.

Однажды Коля брёл с каким-то поручением по заводскому двору и вдруг увидел, что дорогу ему перегородил поддон на колесах, доверху нагруженный коробками с часами. Его медленно толкает хромоногий и немного придурочный подсобник Ивашка в промасленном тёмно-синем халате, вокруг суетятся ещё две синих тени в ватниках, а в отдалении ступает как царица – в расписной цветной шали поверх белого халата – Ирина Павловна Савинская. Ну просто царица Савская!

Одна «синяя тень» сказала оторопевшему Коле:

– Брак на забивку везут. Вон какую мадам назначил наш директор начальником комиссии по забивке брака.

Вдруг Савинская окликнула Колю:

– Колокольцев, подойдите, пожалуйста, ко мне! Помогите

Ивашке побыстрее довести поддон до кузницы! А то мы так до конца смены не доедем. Всё растащат! А я замёрзла! – она поёжилась и посмотрела на свои ножки в модельных туфельках. Шёл редкий снег.

И тут Коля её увидел словно впервые: высокая, тонкая, с царской осанкой, над властным лбом прямой пробор густых как шлем тёмно-русых волос. Во всём её облике какая-то разобщённость с окружающим миром: и туфельки, и цветная шаль, и недоумённый взгляд, как бы вопрошающий: «А что я тут делаю?» Но, при всей её величавости, Коля тогда остро почувствовал, что она одинока и несчастна, как и он.

В ушах звук её голоса:

– Колокольцев!

Коля схватился за ручку поддона и рванул его вперёд. Хромой Ивашка упал, поддон наехал на него, ящики вывалились и из них посыпались часы. Откуда ни возьмись, набежали рабочие, стали собирать разбросанные по асфальту часы обратно в ящики, часть осела в карманах. Минута – и снова поддон загружен, и быстро, уже без приключений, Ирина Павловна и Коля довели его до кузницы.

В кузнице – жар, дым, копоть, а в центре стоит, обнажённый по пояс, молодой кузнец. Он, поигрывая мышцами, берёт тисками отпрессованную болванку и на вытянутых руках несёт её в печь. Грохочет пресс, гудит огонь. Отсветы этого «адского пламени» играют на атлетическом торсе кузнеца, на лице Ирины, и она в этот миг показалась Коле чуть ли не

пророчицей или жрицей. И тут она, глядя в жерло горячей печи, заговорила:

– Колокольцев, посмотрите, мы присутствуем при агонии времени! Эти часики родились на конвейере, надеялись прожить свою короткую жизнь у кого-то на руке, мечтали помочь кому-то соизмерить своё время общему времени, но не удалось. Они, хотя и ходили, но так сильно отличались от стандарта, что теперь забракованы и обречены на огонь. Спаслись только те, что успели украсть рабочие. Они эти часики починят, вынесут украдкой с завода, и они ещё потикают: тик-так, тик-так.

Ирина произносила эти слова, громко декламируя, как стихи.

Коля оторопел. Он испугался её царственного вида и абсолютной свободы высказываний. Он не знал, что отвечать... Стало быть, можно или даже нужно идти не в ногу со временем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.